Текст · 27 июня 2023, 12:48
Татьяна Фельгенгауэр,

«Я пообещал превратить тюрьму в политическую антивоенную трибуну. Мне кажется, это получилось». Большое интервью Ильи Яшина из СИЗО

Ровно год назад — 28 июня, накануне его дня рождения — полицейские задержали в Москве политика Илью Яшина. Хамовнический районный суд на 15 суток отправил его в спецприемник за неповиновение силовикам. На свободу Яшин так и не вышел: пока он отбывал административный арест, Следственный комитет возбудил против него уголовное дело о «фейках» про армию из-за ютуб-стрима с рассказом о резне в Буче. В декабре Мещанский райсуд Москвы приговорил политика к 8,5 годам колонии. Еще до вступления приговора в законную силу его этапировали в Удмуртию, но потом все-таки вернули в Москву. В апреле Мосгорсуд оставил его приговор в силе.

«Медиазона» поздравляет Илью Яшина с наступающим сорокалетием и публикует его ответы на вопросы Татьяны Фельгенгауэр, которые она задала в письме в СИЗО.

Краткое содержание

Предупреждение о возможном конфликте интересов: автор и герой этого интервью — старые друзья.

— То, что рано или поздно тебя задержат, было, кажется, очевидно всем и в первую очередь тебе самому. По прошествии года в неволе: к чему ты оказался готов, а к чему — нет?

— Я действительно неплохо подготовился. И морально, и, скажем так, организационно. Привел в порядок здоровье, заранее собрал команду адвокатов, оформил все необходимые доверенности у нотариуса... Да и опыт административных арестов помог. В общем, адаптация в тюрьме прошла быстро и относительно спокойно.

Главное за решеткой — не жалеть себя, не впадать в уныние и загружать свои дни содержательной работой. Ведь тяжелее всего дается гнетущее ощущение потерянного времени и проходящей мимо тебя жизни. Поэтому важно придумывать для себя какие-то дела, дающие моральное удовлетворение, и сохранять социальную связь с внешним миром. Я все это понимал еще до ареста и смог более-менее правильно организовать свой тюремный быт.

Хотя есть, конечно, и такое, к чему привыкнуть сложно. Например, грязь. В той же «Бутырке» тебя после суда загоняют на сборку, где часами приходится ждать конвоя. В эту сборку набивают человек по двадцать, при этом она мало отличается от помойки. Представьте себе общественный туалет на железнодорожной станции в далекой глуши. Грязь, вонь, тараканы и табачный смог, плотно стоящий в воздухе. Сидишь так часов пять, подавляя рвотный рефлекс и проклиная все на свете. Но что поделать? Через некоторое время и к такому начинаешь привыкать.

Еще сложно привыкнуть к тому, что за решеткой периодически встречаешься лицом к лицу с откровенным, концентрированным злом. На той же сборке я видел, как к компании зэков подошел дряблый старичок и попросил сигарету. Все просто молча отошли в сторону, ни один не проронил ни слова. Я спросил: «Что не так с этим дедом?». Оказалось, детей насиловал, и даже сюжет в новостях про него показывали. Смотришь со стороны: обычный старик вроде. Встретишь такого на улице — и в голову не придет, что он творил. Или, например, во время этапа я разговорился с соседом по столыпинскому вагону. Чай вместе пили, шоколадку разделили. А потом он поделился деталями своей биографии: как грабил коммерсанта, как пытал его, чтобы узнать код от сейфа, как в итоге отпилил голову ножовкой… У меня эта шоколадка поперек горла встала. Все-таки в обычной жизни ты подобных персонажей только на экране видишь. А в тюрьме познакомиться с каким-нибудь головорезом на сборке или на этапе — обычное дело. И действительно

пугает, что такого человека совершенно невозможно отличить от нормального.

— Что самое сложное в СИЗО?

— Как я уже сказал, самое сложное — это ощущение, что ты как будто не живешь, что тебя поставили на паузу. Человека здесь словно замораживают. Ты становишься старше, месяцы и годы пролетают, а ты не у дел и все пропускаешь. Начинаешь болезненно подсчитывать, сколько тебе будет лет, когда выйдешь. Мучаешься и рефлексируешь по поводу того, что не успел сделать на воле, а возможно, уже и не успеешь. Очень опасно проваливаться в эту эмоциональную яму, потому что выбираться потом из нее ох как нелегко. Среди моих сокамерников были совершенно потерявшие себя личности. Представь: парень просто лежит весь день на шконке и смотрит в одну точку. Выглядит это жутко.

— Чем занят твой день? Ведь в СИЗО, в отличие от колоний, особо нечем заняться.

— Ты, наверное, удивишься, но мои дни в тюрьме проходят довольно насыщенно. Именно это и позволяло весь год сберечь психическое здоровье.

Большую часть дня я провожу с ручкой и бумагой. Отвечаю на многочисленные письма переживающих за меня людей, что дает ощущение социализации и живого общения. Мне тут очень не хватает людей, а письма помогают знакомиться, поддерживать общение, узнавать что-то новое и интересное. Кроме того, пишу тексты, заметки и колонки, которые потом публикуются моей командой в соцсетях,

а иногда и на страницах некоторых изданий. Рисую еще время от времени... Местами тут весьма колоритно, и рука автоматически тянется к айфону, чтобы сфотографировать то, что я вижу, и поделиться с людьми. Но айфона-то нет! И в какой-то момент я вспомнил, что подростком я учился в художественной школе и вообще-то знаю, как правильно держать в руке карандаш.

Помимо этого всего, почти каждый день я отвечаю на вопросы журналистов самых разных мировых СМИ и считаю это важной своей работой. За прошедший со дня ареста год у меня вышло около 50 интервью, в том числе в независимых российских и почти во всех центральных европейских изданиях. В этих материалах я последовательно критикую войну, заступаюсь за своих соотечественников и стараюсь объяснить западной аудитории, что Путин и Россия — это не одно и то же, что мы тут не слились все в милитаристском экстазе, что есть альтернатива.

Такой бумажный труд занимает много времени, и обычно я провожу за письмом полный рабочий день. Когда пальцы устают, отвлекаюсь на книги. Если по ТВ идет что-то стоящее, могу посмотреть для разнообразия. Финал Лиги чемпионов, например, видел. Кроме того, ко мне регулярно — как правило, два раза в неделю — приходят адвокаты. Мы обсуждаем в том числе новости, они рассказывают, что происходит, делятся информацией. В общем, я пока не чувствую себя выброшенным из жизни и не считаю, что минувший год потрачен впустую.

— Удается ли поддерживать связь с семьей?

— Родители каждый месяц приходили ко мне на свидания — и в «Бутырку», и в «Медведь». Приезжали даже в Удмуртию, где я провел полтора месяца в местном СИЗО. Общение во время таких встреч происходит через стекло и посредством телефонных трубок. Не хватает, конечно, возможности обнять маму с отцом, но это лучше, чем ничего. Андрюхе Пивоварову за два года в тюрьме вообще одно-единственное свидание с матерью разрешили. Кара-Мурза больше года даже голоса своих детей и жены не слышал. Про Навального вообще молчу... Мне на этом фоне пока грех жаловаться.

Впрочем, последний раз я родителей видел давно, кажется, 4 мая. С тех пор они не могут попасть ко мне на свидание, хотя это скорее бюрократическая проблема, чем злой умысел. Дело в том, что материалы моего уголовного дела после апелляции ушли из суда, но в администрацию СИЗО еще не поступили. Таким образом, сейчас просто нет уполномоченного органа, который мог бы выдать разрешение на свидание. И я далеко не первый арестант, который сталкивается с такой проблемой, она системная. Так что пока лишь переписываемся с мамой.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

— Много ли писем ты получаешь? Кто тебе пишет? Изменилось ли количество писем за год?

— Каждый день через «кормушку» в двери камеры мне вручают пачку из 20-30 писем. В феврале, кажется, я получил 15-тысячное письмо и после этого сбился со счета. Честно говоря, поражен числом сочувствующих мне людей, и это очень приятно. Это по-настоящему придает сил и вселяет оптимизм. И кстати, не сказал бы, что со временем писем становится ощутимо меньше. Иногда бывают всплески: какой-то опубликованный мой текст и выступление в суде побуждают людей писать активнее, и тогда я могу получить в день пару сотен писем. А пишут при этом люди совершенно разные. Очень много молодых — и старшеклассников, и студентов. Есть письма от врачей, пенсионеров, бывших полицейских и военных, учителей, людей всех профессий, которые можно представить. География тоже очень широка: от Калининграда до Сахалина, от Австралии до Исландии. Девушки иногда присылают свои фото. Кто-то делится своими рисунками. И очень, очень часто люди присылают мне фото своих котов! Уже целая коллекция таких снимков набралась. Было смешно, когда меня в «Бутырке» вызвал в свой кабинет тюремный опер и долго расспрашивал, что значат эти коты бесконечные и не пытаются ли подельники с воли передать мне таким образом некие зашифрованные послания. Я поначалу думал, что он шутит. Но нет! На полном серьезе спрашивал.

— Что ты можешь посоветовать тем, кто никогда не писал писем в СИЗО или колонию? Как лучше начать разговор с незнакомым, по сути, человеком?

— Письмо не должно быть натужным. Пишите то, что вам самим интересно. Расскажите что-нибудь

о себе, поделитесь тем, что вас интересует и волнует. Представьте, что вы встретили человека в компании ваших общих друзей и просто подошли познакомиться. О чем вы будете говорить в таком случае? Поболтаете, скорее всего, на какие-то приятные темы. Вот так же и в письмах политзэкам: пишите легко, без лишнего пафоса и драматизма. И не стесняйтесь прикладывать фото, поскольку всегда приятно визуализировать собеседника. Вы-то знаете, как выглядит ваш адресат, а он про вас может только догадываться.

— С кем из политических заключенных ты пересекался за этот год? Удается ли с ними общаться?

— Несколько месяцев я сидел в соседней камере с молодыми поэтами, которые читали антивоенные стихи на площади Маяковского. Их в итоге обвинили в экстремизме, избили при задержании и отправили за решетку.

В автозаке познакомился с целой группой модераторов телеграм-каналов из разных городов России, от Сочи до Красноярска. Их подозревают в попытке организовать массовые беспорядки после выборов в Госдуму осенью 2021 года.

А однажды на сборке ко мне подошел бородатый мужчина и сказал, что он мой избиратель и голосовал за меня на выборах в Координационный совет оппозиции десять лет назад. Я спросил, за что он сидит. Мужчина буднично ответил: «За терроризм». Коктейль Молотова, говорит, в автозак бросил. У меня глаза слегка на лоб полезли… А это оказался Виталий Кольцов, отец многодетного семейства, за

которого недавно вступились присяжные, и вместо запрошенных прокурором 19,5 лет он получил 6 лет колонии.

— Как реагируют на тебя другие обитатели СИЗО, не политические?

— Реагируют с интересом. На самом деле меня довольно часто здесь узнают. Среди арестантов встречаю регулярно и сторонников оппозиции, и даже своих подписчиков. Разговариваем, конечно, много чего обсуждаем. Я расспрашиваю людей про их уголовные дела, про то, как они оказались за решеткой, иногда даже какие-то правовые советы даю и помогаю составить жалобы. Если попадаются какие-то любопытные, нетривиальные истории, пересказываю их в виде заметок в соцсетях. Возможно, придет день, когда соберу эти сюжеты в книгу.
Ну а мне люди, как правило, задают вопросы, связанные с политикой. Всех волнует, когда и как закончится война, что будет с экономикой, ждать ли новую мобилизацию, есть ли вероятность, что Путин уйдет... Ловлю себя, кстати, на мысли, что иногда такое общение с арестантами на тюремных сборках мало отличается от встреч с избирателями, которые я проводил во время избирательных кампаний. Ну разве что от избирателей я уходил сам, а здесь — под конвоем. Удивительно, но до сих пор я почти не сталкивался с проявлением ненависти или агрессии со стороны заключенных. Казалось бы, да? Меня же государство, по сути, официально объявило врагом народа, навесило ярлык иноагента. По идее, люди должны как минимум косо смотреть. Но ничего подобного нет. Даже лояльные Путину арестанты относятся скорее с симпатией и называют мое дело

«перегибом». Все-таки человеку за решеткой сложно понять, как можно влепить 8,5 лет за ролик на ютюбе, если у нас за убийства и грабеж часто дают меньше.

— Ты считаешь, что у тебя получается оставаться политиком в неволе? В чем это проявляется?

— Думаю, у меня получается заниматься политической деятельностью настолько, насколько это вообще возможно в условиях неволи. Когда меня арестовали, я пообещал превратить тюрьму в политическую антивоенную трибуну. В том смысле, что планировал не пассивно защищать себя в рамках нелепого гособвинения, но публично критиковать войну и путинскую диктатуру в ходе судебного процесса. В целом, как мне кажется, это получилось. Любую возможность выступления в суде я использовал, чтобы громко и четко сказать: Путин — военный преступник, а российская армия должна немедленно покинуть территорию Украины.

Кроме того, я стараюсь, хоть и за решеткой, но последовательно представлять и защищать интересы антивоенной части нашего общества. Апеллирую к западным политикам со страниц мировых СМИ, раз за разом повторяя простую мысль: российский народ в заложниках у Путина, неправильно делить ответственность за преступление между террористом и его заложником. Не надо наказывать обычных людей за криминал, который творит кремлевская хунта.

Наверное, меня сейчас сложно назвать политиком в классическом и полноценном значении этого слова. Хотя еще большой вопрос, кто больше политик — я

в тюрьме или какой-нибудь ущербный единоросс в Госдуме, голосующий по команде. Но все же политик должен бороться за власть, а я за решеткой лишен такой возможности. В нормальной ситуации я бы сейчас конкурировал с Собяниным за пост мэра Москвы, а не сидел на шконке с блокнотом. Тем не менее мне кажется, что, отказавшись эмигрировать из России, я остался политиком в глазах своих сторонников — людей, готовых за меня голосовать. Потому что я своих сторонников и избирателей не бросил, никуда от них не сбежал.

— В первые месяцы, до того как начался суд, часто ли тебя посещали следователи? О чем они спрашивали? Какое ощущение у тебя сложилось от общения с ними?

— 12 июля прошлого года меня задержали на выходе из спецприемника после нескольких суток административного ареста, отвезли на обыск, а потом в центральный офис СКР. В кабинете на первом допросе собралась целая группа следователей и оперативников. Это был интересный, но странный разговор. Отложив в сторону протокол и предложив мне чаю с пиццей, они наперебой спрашивали, почему же я все-таки не уехал из России. И так, мол, тебе намекали, и эдак... Ты чего, не понимал, что ли? Ты герой или дурак? Мы спорили пару часов, но в итоге они сошлись во мнении, что я хоть и враг, но достоин уважения. Ну, чисто по их понятиям: потому что не убежал и «готов отвечать за базар, как мужик».

Были и смешные эпизоды. Например, подполковник Центра «Э», с рапорта которого формально началось мое уголовное дело, доказывал, что путинские войска скоро точно возьмут Харьков и точно никогда уже не

оставят Херсон. А в декабре он же пришел ко мне на суд свидетелем, и я, конечно, не преминул спросить, как там успехи в Харькове и Херсоне? И почему он до сих пор не там?

Но вообще, моя большая следственная группа довольно быстро развалилась. Дело-то примитивное, состоит, по сути, лишь из записи моего стрима на ютюбе и заключения «эксперта». Так что занимался мной в итоге один следователь, который иногда навещал меня в тюрьме для выполнения формальных юридических действий. Но если честно, то кажется, что я его интересовал гораздо меньше, чем мой адвокат Мария Эйсмонт, которая ему явно понравилась. Когда Маша заходила в кабинет, следователь подтягивался и слегка краснел. Я с удовольствием наблюдал за ним в такие моменты. Всюду жизнь, как говорится.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

— Как к тебе относятся сотрудники ФСИН?

— Отношения с сотрудниками ФСИН вполне ровные. Никакого садизма и желания нагадить пока не заметил. Даже наоборот, иногда встречается сочувствие и проявление солидарности. Во всех тюрьмах, где я побывал за год, находились продольные и конвоиры, которые вполголоса желали удачи, давали какие-то дельные советы по быту и явно симпатизировали. В Удмуртии один из сотрудников даже пронес наше совместное фото с

Навальным, распечатанное из интернета, и попросил меня расписаться на память.

Я понимаю, конечно, что от этой лояльности не останется и следа, если сверху дадут команду превратить мою жизнь в ад. Система есть система. Сразу найдутся и садисты, и подонки. Но отмечаю для себя, что в инициативном порядке никто не пытается меня ломать и тюремщики ведут себя корректно. Что, в общем-то, объяснимо: у них нет особых причин любить власть, за критику которой меня посадили. Зарплаты здесь копеечные, людей не хватает, переработки и выгорание в порядке вещей, унижения со стороны начальства — норма. Разумеется, от работников ФСИН не стоит ждать бунтов и забастовок. Но думаю, если в стране начнутся перемены, среди них найдется много тех, кто искренне этому обрадуется.

— Чувствуется ли в СИЗО разница в отношении к политическим и не политическим заключенным?

— Все намного сложнее. К тому же Кольцову, например, тюремщики относятся довольно напряженно. Потому что включается корпоративная солидарность. Если человек бросил бутылку с зажигательной смесью в автозак, значит, покушался на людей в форме — на таких же, как ты. То есть в понимании фсиновцев это реальный враг. Ну, и общаются с ним соответственно.

Мне в этом смысле, конечно, проще, поскольку меня судят за слова. Здесь даже объяснять ничего не надо. Уголовные дела за ролики, лайки и посты в соцсетях как арестанты, так и сотрудники тюрем

воспринимают как бред. Но в целом отношение к «политическим» более-менее спокойное. Их никто специально не гнобит, но и какого-то привилегированного положения тоже нет. Смотрят скорее на то, как человек ведет себя в арестантской массе и какой характер проявляет в камере. Если у тебя, как здесь говорят, все ровно по жизни, то и отношение к тебе будет нормальное.

— Чем ты объясняешь внезапную попытку этапировать тебя из Москвы еще до вступления приговора в законную силу? Как прошел сам этап?

— Это обычная практика для системы ФСИН. Московские тюрьмы переполнены, и после приговора арестанта могут вывезти в другой город, чтобы разгрузить камеры. Ты приезжаешь в региональный изолятор и ждешь там рассмотрения апелляции, в котором будешь участвовать посредством видеосвязи. Вот такой номер попытались провернуть и со мной, отправив под Новый год в Удмуртию. Но допустили несколько ошибок при оформлении — адвокаты обжаловали этапирование, и пришлось возвращать меня в Москву.

А этап у меня был относительно легкий. Иногда людей неделями возят туда-сюда, и ты замучаешься скитаться по транзитным СИЗО. Я же за два дня доехал в «столыпине» прямиком из Москвы в Ижевск, а потом точно так же обратно. Приобрел ценный опыт, можно сказать. Знаю теперь, к чему готовиться перед отправкой в лагерь.

— Удается ли тебе получать свежую информацию о войне?

— Стараюсь быть в курсе. Во время встречи с адвокатами детально расспрашиваю их о том, что происходит, задаю много уточняющих вопросов. К тому же люди в письмах часто делятся новостями, цитируют материалы из независимых СМИ и выдержки из интервью разных спикеров. Какие-то моменты я, наверное, упускаю, но в целом в информационной повестке ориентируюсь.

— Известно ли тебе что-то о вербовке заключенных на войну?

— Вербовкой на войну в колониях никого не удивишь. Я с прошлой осени встречал на сборках людей, которые рассказывали об этом. Один парень сообщил, что вернулся из лагеря под Тверью. Из его барака на фронт уехало 23 зэка, а выжило в итоге лишь трое. По пути из Удмуртии познакомился в «столыпине» с арестантом, который ехал из самарского лагеря. Он уверял, что своими глазами видел там Пригожина, агитировавшего зэков присоединиться к «ЧВК Вагнера». Говорил, что Пригожин себя с Богом сравнивал, мол, только Бог и я могут вас отсюда вытащить. Сейчас вербовкой в колониях занимается Минобороны, и информации стало меньше. Но судя по всему, желающих воевать зэков стало меньше. По крайней мере, я слышал, что с недавних пор представители оборонного ведомства начали ездить по московским СИЗО и вербовать солдат среди «хозников». Речь про осужденных зэков, которые не захотели ехать в лагеря и остались в тюремных хозотрядах, выполняя

функции баландеров и чернорабочих. Один из них мне сообщил, что в «Медведе» два десятка человек согласились подписать контракт.

— Обсуждают ли тему войны обитатели СИЗО? Что не политические заключенные думают о делах за «фейки»?

— По моим наблюдениям, война не вызывает энтузиазма у арестантов. Даже новости и ток-шоу по ТВ люди смотрят, чертыхаясь и, мягко говоря, не выражая большого доверия пропаганде. А уж когда на экране появляется генерал Конашенков и бодро рапортует об очередной сотне уничтоженных «боевиков ВСУ» и разгроме противника, то его просто кроют матом.

Я иногда объясняю в такие моменты, что меня посадили буквально за то, что публично оспорил слова Конашенкова. Люди говорят, что тогда половину населения страны пересажать можно.

Происходящее в Украине вызывает у многих заключенных шок и чувство унижения, как, наверное, и у многих граждан на воле. Шок, потому что война приобрела такой чудовищный масштаб и унесла столько жизней. Унижение, поскольку все же верили Путину, что у нас вторая армия мира и что Киев сможем взять за три дня. А тут войска восемь месяцев колупаются под Бахмутом, не могут толком защитить свою же Белгородскую область, да еще и получают обидные щелчки по носу в виде ударов беспилотниками по Кремлю. Общее настроение: это какой-то позор.

Я, кстати, первое время не мог понять: как Пригожин умудрился навербовать столько зэков при таком их скептическом отношении к войне? Но более-менее разобрался в итоге и выделил для себя две основные группы арестантов, едущих на фронт.

Во-первых, отчаявшиеся люди с огромными сроками, которые просто не видят горизонта свободы. Они считают себя заживо похороненными и готовы сыграть в «русскую рулетку», лишь бы получить шанс на освобождение. Во-вторых, молодые пацаны, которые с трудом социализируются в обществе и зарабатывают в основном мелким криминалом. Их прельщают большие деньги, которые обещают за участие в боевых действиях. По складу характера это авантюрные ребята. Выйдем из тюрьмы, да еще и оружие на руки получим, уж как-нибудь выкрутимся. А потом возвращаются из Украины разорванные на части в цинковых гробах.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

— Обсуждают ли тему войны сотрудники ФСИН?

— Войну обсуждают все, и сотрудники ФСИН не исключение. У них она тоже вызывает тревогу. Боятся новой мобилизации и того, что отменят бронь. Помню, как в «столыпине» разговорился с конвоиром, и он прям убеждал меня, что фсиновцев ни в коем случае нельзя призывать на фронт, а его лично — нельзя особенно. Про семью свою рассказывал, показал фото маленькой дочери… Со стороны это все,

наверное, комично выглядело. Он словно уговаривал меня не посылать его на войну, будто я не зэк на этапе, а какой-нибудь министр или генерал, от которого это зависит.

А еще в тюрьме у нас был «режимник» из Белгорода, который работает вахтовым методом: отрабатывает двухнедельную смену в московском СИЗО и едет домой. Он живет с семьей буквально в трехстах метрах от того места, куда «нештатно» упала бомба из российского самолета. Все окна повылетали в квартире. Приехал на смену после этого чуть ли не заикой.

— Про несбыточное. Как часто ты возвращаешься в день, когда тебя задержали? Думаешь ли ты, что можно было бы сделать иначе?

— Это был тревожный день, но он был неизбежен. И морально я был с первых дней войны готов к тому, что он наступит. Вопрос тут даже не в том, правильное решение или нет... Я просто не мог поступить иначе. Путин начал проливать реки крови, и я не мог молчать. Просто перестал бы себя уважать, если бы не нашел сил громко, внятно и четко выступить против вторжения в Украину. И не было никаких иллюзий, конечно. Госдума приняла законы о военной цензуре, прошли обыски в моем муниципалитете, начались аресты моих ближайших товарищей, меня оштрафовали за «дискредитацию» армии сразу по трем эпизодам. По сути, власть недвусмысленно сказала: или уезжай, или сядешь. Даже любезно предоставили время на раздумье. Но опять же, я перестал бы себя уважать,

если бы сбежал. Мне действительно психологически комфортнее держать удар, чем бежать.

Сверяясь со своим внутренним компасом, понимаю, что я в порядке. Бытовой дискомфорт и давление стен с избытком компенсируются гармонией с совестью и самоуважением. Я всегда жил по принципу «делай что должен, и будь что будет». И продолжаю так жить.

— Если бы ты вдруг оказался дома прямо завтра, что бы сделал в первую очередь?

— Обнял бы близких. Собрал бы друзей — тех, кто еще остался в России. Погулял бы по моим любимым московским бульварам. Нагулялся бы так, чтобы прям с ног валиться от усталости. Выспался бы как следует на мягкой удобной кровати. Ну а потом сел бы перед видеокамерой и начал очередной антивоенный стрим.

— У тебя есть какие-то ожидания относительно этапа в колонию?

— Ничего хорошего от колонии я, разумеется, не жду. По опыту моих товарищей ясно, что условия там будут сложные и меня ждет много всего неприятного. Однако настрой философский: если другие все это выдержали, то и я справлюсь.

— Ты составил себе какие-то сценарии того, как ты будешь отбывать срок?

— Нет, я стараюсь не загадывать и не строю планы. Да это и бессмысленно, поскольку заранее не узнаешь, в какой регион попадешь и какие порядки будут

в местной колонии. Сориентируюсь по ходу дела. Все-таки за год в тюрьме я накопил определенный опыт, который наверняка поможет адаптироваться в новых условиях.

Главное, что за этот год я не растерял здоровье. И даже наоборот — окреп физически благодаря регулярным тренировкам. Эмоциональное мое состояние тоже в норме. Никакого страха, паники или депрессии нет и в помине. Независимо от того, что ждет меня в лагерном бараке, постараюсь вести себя по-мужски, пройти это испытание достойно.

— Есть ли признаки того, что одним сроком твое преследование не закончится?

— Пока нет. Да и какой смысл возбуждать на меня сейчас новое дело? Опять придется таскать меня в суд, давать трибуну, привлекать внимание. Думаю, они и срок мне такой большой нарисовали специально — с запасом. Ну, чтобы зачитать приговор и забыть про меня на 8,5 лет. Однако я отсюда постараюсь о себе напоминать, внося посильный вклад в то, чтобы война как можно скорее закончилась, Путин ушел, а Россия стала свободной.

Пока Илью Яшина не этапировали в колонию, написать ему можно в московский следственный изолятор. На сайте сервиса «ФСИН-письмо» или «Зона-телеком» выберите из списка регион (Москва), учреждение (СИЗО-4 «Медведь») и укажите ФИО и год рождения адресата: Яшин Илья Валерьевич, 1983.

Редактор: Дмитрий Ткачев